

И.Ю. Жилина

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО УЧЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Православие на протяжении всей российской истории, особенно в ее поворотные моменты, играло заметную роль в жизни общества. Одним из таких моментов в новейшей истории стал крах СССР и переход к рыночной экономике. В результате экономических реформ изменилась социально-имущественная структура общества: «миллионы людей оказались за чертой бедности, в то время как относительно небольшая группа сосредоточила в своих руках значительную часть материальных ресурсов страны» [Браславский П., 2004, с. 1]. Но главным негативным итогом начала первого постперестроечного десятилетия стал моральный упадок общества. Крушение идеала социальной справедливости, личные трагедии большинства граждан, озлобленность и социальная апатия, беспомощность перед лицом олигархов и преступников не могли не заботить церковь [Чаплин В., 2005].

В самом обществе, находившемся в переходном состоянии, возникли ожидания, обращенные к Русской православной церкви (РПЦ). Прежде всего, ожидалось появление церкви в общественном пространстве. Представлялось, что церковь, сохранившая какое-то духовное сокровище, предъявит его обществу как культурно, социально и собственно религиозно значимое для «мира». Эти ожидания оказались завышенными. Лишь в 2000 г. РПЦ опубликовала развернутую официальную позицию по общественно значимым вопросам – «Основы социальной концепции» (ОСК) [Кырлежев А. Русская православная церковь..., 2003], в которых были сформулированы «социально-этические принципы существования современного общества, те основы морали и начала естественного права, благодаря которым наша жизнь получает благодатное нравственное

питание и не скатывается в хаос, подобный эпохе коммунистического или нацистского затмения разума» [Костюк К.Н. Социальная концепция Русской..., 2010]. В данной работе мы рассмотрим в основном экономические аспекты этой концепции, а также проанализируем комментарии, с ней связанные.

Общая характеристика Основ социальной концепции Русской православной церкви

Одно из наиболее часто цитируемых определений понятия «христианское социальное учение» было предложено известным теологом, кардиналом Й. Хёффнером, который понимает его как «совокупность социально-философских (взятых, в сущности, из социальной природы человека) и социально-теологических (взятых из христианского учения о Спасении) знаний о сущности и устройстве человеческого общества и о вытекающих отсюда и применимых к конкретным общественным отношениям нормам и задачах строя» [Хёффнер Й., 2001, с. 15]. В то же время православные богословы придерживаются разных точек зрения на необходимость создания православной социальной доктрины. Одни, как известный греческий теолог Г. Манцаридис (G. Mantzaridis), заявляют, что церковь не нуждается ни в собственной политической системе, ни в социальной доктрине, ни в создании социально-этической или этической системы, поскольку все, что необходимо религиозным христианам, как людям, так и миру, содержится в высказываниях Отцов церкви и постановлениях соборов [Hallensleben B., Sokolovski A., 2001, p. 6].

Другие выдвигают весомые аргументы в подтверждение ее необходимости. Так, игумен Вениамин (Новик) (1946–2010) писал, что поскольку христианство для христианина является не только «религией для внутреннего употребления» или неким терапевтическим средством утешения или системой самодисциплины, но принципом его жизни в целом, включая ее социальный, культурный, политический, экономический, экологический и даже биоэтический аспекты, его ориентация в социуме возможна при наличии у Церкви представления о некоем общественном идеале, воспринимаемом в эсхатологической перспективе спасения [Вениамин (Новик), игумен, 2000].

Социальная доктрина позволяет Церкви не только представлять свое видение общественного идеала, но и «предлагать или высказывать суждения о конкретных экономических, социальных

и политических ситуациях» [Sollogoub M., 2009], о современном ей обществе. В то же время, это не учение об обществе как таковом, а «представление об обществе, бытующее в свете и в фокусе преобразующей силы церкви, обществе рядом с церковью. Таким образом, социальное учение церкви имеет нормативную природу, преобразовывающую истины веры в нормы социальной жизни» [Костюк К.Н., 2014, с. 360]. «Создавая социальное учение, Церковь простирает свой дар Богопознания до способности высветить богословское содержание социального измерения жизни. Она определяет при этом те задачи, служения, методы, которые естественны и приемлемы для современного общества» [Костюк К.Н., 2001, с. 118].

После падения коммунизма сложилась ситуация, когда церковь может без вмешательства государства определять свое место в обществе. Эта ситуация поставила перед церковью целый ряд сложных задач, в частности задачу преодоления отгороженности от общественной жизни, сложившуюся в советское время. Сложность решения этой и других задач определялась тем, что постсоветское общество оказалось одним из самых секулярных обществ мира.

«Если раньше служитель Церкви общался почти исключительно со своими прихожанами, которые мыслили теми же категориями, что и он сам, то теперь священник столкнулся лицом к лицу с огромной массой невоцерковленных людей, чьи знания о религии были рудиментарными или нулевыми... Если раньше общество жило своей жизнью, а Церковь – своей, то теперь Церковь оказалась вовлеченной в общественную дискуссию по основным вопросам современности» [Иларион (Алфеев), 2005]. По сравнению с дореволюционным периодом коренным образом изменились профессиональная структура и уровень образования населения, исчезла прежняя «православная интеллигенция». В постсоветский период церковь столкнулась с феноменом религиозного плюрализма, информационной и политической открытости. Опыта существования в такой среде у РПЦ практически не было [Зубов А., 1995]. Очевидно, что старые дореволюционные модели взаимоотношений церкви и личности, церкви и общества в современных условиях не работают [Башкиров В., 2006; Браславский П., 2004, с. 6].

В то же время в самой церкви сформировались различные представления о способах взаимодействия с обществом, которые условно можно назвать фундаменталистскими и либеральными, и возникла необходимость в выработке внутрицерковного консен-

суса [Костюк К.Н., 2001, с. 116]¹. Создание социальной концепции можно рассматривать как часть процесса консолидации внутри церкви [Костюк К.Н., 2014, с. 360].

Инициатором и идеологом разработки социальной концепции РПЦ был будущий патриарх РПЦ, митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (Гундяев). Избранное им направление часто называют «новым консерватизмом», «модернизацией на основе традиции». Речь идет о соединении традиционных православных форм с современными аргументацией и стилистикой. Цель соединения старого и нового, по словам патриарха Кирилла, состоит в том, чтобы «христианская мотивация присутствовала во всем, что составляет сферу жизненных интересов человека» [Вовченко Б.В., 2010, с. 2]. Эта позиция будущего патриарха, а в немалой степени также его политическое чутье и организаторские способности оказали на содержание документа огромное влияние [Филатов С., 2012, с. 16; Костюк К., 2003; Костюк К.Н., 2014, с. 349].

В 1994 г. Архиерейский собор РПЦ принял решение о разработке «всеобъемлющей концепции, отражающей общецерковный взгляд на вопросы церковно-государственных отношений и проблемы современного общества в целом» [Архиерейский Собор..., 1994]. Была создана рабочая группа, которой руководил митрополит Кирилл, и в которую вошли архиереи и клирики РПЦ, профессора духовных школ, сотрудники синодальных отделов.

Касаясь истории создания документа, прот. Всеволод Чаплин отмечал, что он был разработан в сжатые сроки в условиях давления как со стороны представителей различных точек зрения, существующих в среде верующих, так и со стороны светских политиков, которые хотели бы привязать социальную доктрину церкви к «политическому моменту». Составители же поставили перед собой цель создать систематизированную концепцию, рассчитанную не на год-два, а, по крайней мере, на ближайшие десятилетия, и приемлемую для всей церкви, что очень важно, учитывая, что почти половина приходов РПЦ находится за пределами РФ [Кырлежев А., 2003].

В ходе работы над концепцией использовались труды православных богословов, пастырей, философов, ученых². Но они, как

¹ Подробнее о социально-этических течениях в РПЦ в конце XX в. см.: [Костюк К., 2002].

² Однако игумен Вениамин (Новик) с сожалением отмечал, что в ОСК не содержится ни одной ссылки на работы русских религиозных философов XIX–XX вв., которые много сделали для осмысления религиозного значения зем-

отмечал митрополит Кирилл, выражают частные, часто противоположные мнения, а не официальную позицию РПЦ, которая по многим из обсуждавшихся вопросов никогда не выносила определенных суждений [Кирилл, митрополит..., 2000]. При разработке концепции также принимались во внимание как католические, так и, в меньшей мере, протестантские документы, посвященные проблемам христианского социального учения. Главными же ее источниками были Библия и святоотеческое наследие [Кырлежев А., 2003].

Митрополит Кирилл объяснял, что документ назван «Основами», поскольку «по мере изменения государственной и общественной жизни, по мере появления в этой области новых проблем, требующих церковной оценки, социальное учение Церкви будет, несомненно, развиваться и совершенствоваться» [Кирилл, митрополит..., 2000].

Принятые Архиерейским собором в 2000 г. ОСК стали первой за более чем тысячелетнюю историю официальной идеологической доктриной РПЦ, которая охватывает широкий спектр вопросов современной жизни¹ и свидетельствует о сильной «социальной традиции» РПЦ [Костюк К.Н., 2001, с. 116]. Документ является долгосрочной программой общественного служения церкви,

ного благополучия людей, к созиданию которого, в первую очередь, призваны общественные, политические организации и государство. Только в четвертой главе (IV. 2) приводится важная мысль В.С. Соловьёва (без ссылки на него) о праве как некотором минимуме нравственных норм, обязательных для всех членов общества, и о главной задаче закона как предотвращении ада на земле [Вениамин (Новик), игумен, 2000].

¹ Принятие ОСК стимулировало другие религиозные организации к разработке и представлению обществу своего видения этих проблем. В эту работу активно включились протестантские церкви России. Были разработаны и опубликованы «Основы социальной концепции Российского объединенного союза христиан веры евангельской», «Основы социального учения Церкви христиан адвентистов седьмого дня». В 2003 г. Консультативным советом глав протестантских церквей России была подготовлена и представлена общественности общая «Социальная позиция протестантских церквей России» [Ветров В.А., Попова В.А., 2014].

Принятие ОСК в определенной мере способствовало созданию в 2004 г. «Компендиума социального учения Церкви», в котором впервые в едином документе обобщается колоссальный теоретический и практический опыт католической церкви в решении актуальных проблем современности. Документ включает весь корпус социальных энциклик, папских посланий и иных форм пастырского наставления с понтификата Льва XIII (1878–1903) до настоящего времени [Корзо М.А., 2009]. Кроме того, ОСК послужили толчком для разработки социальных концепций российскими мусульманами и иудеями [Кырлежев А., 2003].

которая опирается на православное богословское осмысление ее положения в плюралистическом секулярном обществе [Безбородов М.И., 2011, с. 1, 2; Браславский П., 2004, с. 2].

По оценкам как отечественных, так и зарубежных специалистов, принятие ОСК – знаменательное событие в истории православия, одно из ключевых церковно-политических событий XX в., большой шаг РПЦ вперед [Коваль Т.Б., 2003, с. 43; Костюк К., 2002; Calvez J.-Y., 2008]. Многие считают, что РПЦ наконец преодолевает свою обычную позицию: «Мы спасаем индивидуальные души, а в дела общественные и политические не вникаем – это не наше дело» [Сомин Н.В., 2000].

В основе обращения РПЦ к проблемам социальной жизни лежит богочеловеческая природа церкви, связанной с миром общей тварной природой. Но будучи богочеловеческой, она призвана благодатным образом воздействовать на мир или вершить свою искупительную миссию. Целью церкви «является не только спасение людей в этом мире, но также спасение и восстановление самого мира» [Основы социальной., 2005, I. 2]. Таким образом, формулируя ОСК как долгосрочную программу общественного служения, авторы документа рассматривают РПЦ в качестве единого организующего стержня, на который «нанизываются» все представленные в ОСК проблемы и суждения.

Такой подход определяет структуру документа, включающего короткую преамбулу и 16 тематических разделов. После изложения основных богословских положений, на которые опирается социальное учение, документ представляет позицию РПЦ по следующим вопросам: церковь и нация; церковь и государство; соотношение христианской этики и светского права; церковь и политика; труд; собственность; война и мир; преступность, наказание, исправление; личная, семейная и общественная нравственность; здоровье личности и народа; биоэтика; церковь и проблемы экологии; светские наука, культура и образование; церковь и СМИ; международные отношения, проблемы глобализации и секуляризации мира.

Сам перечень тем ОСК свидетельствует о том, что «лейтмотив послания верующим и всей стране – церковь должна участвовать во всех сферах народной жизни – образовании, науке, культуре, здравоохранении, экономической жизни, в армии и государственном управлении. Церковь способна преобразить Россию, и это ее долг» [Филатов С., 2012, с. 31]. При этом ОСК является богословским документом, который все явления общественной жизни свя-

зывает с божественным началом, поэтому светские люди не всегда могут согласиться с представленными в документе мировоззренческими толкованиями [Основы социальной концепции... («круглый стол»), 2001].

В преамбуле к ОСК отмечается, что документ обращен ко всем чадам РПЦ «сверху донизу», однако ОСК прежде всего адресованы духовенству в качестве ориентира при решении проблем, касающихся взаимоотношений церкви с государством, общественными институтами и движениями, а также с другими конфессиями. Одновременно они доводят до сведения светских властей официальное мнение церкви относительно того, на которых условиях она готова идти на компромисс со светским государством. Таким образом, это «рабочий» документ и для государственных служащих, занимающихся проблемами церкви и религии [Митрохин Л., 2002]. При этом церковные иерархи разъясняют, что нравственные требования, заложенные в ОСК, являются обязательными для исполнения не только священнослужителями, но рядовыми членами церкви [Иларион (Алфеев), 2005].

Поскольку ОСК в первую очередь призваны определить и обосновать статус РПЦ в современной России и прояснить, на какую роль она претендует в обществе, на первое место вынесены разделы о соотношении церкви и нации (II) и о взаимоотношениях церкви и государства (III). Последний раздел – один из самых объемных, содержит подробный анализ различных форм взаимоотношений церкви и государства, задает принципы отношений церкви с властями различных ветвей и уровней [Корзо М.А., 2009].

Остановимся несколько подробнее на вопросе взаимоотношений церкви и государства, поскольку он имеет отношение к социально-экономической проблематике.

Церковь допускает возможность взаимодействия «с государством, даже если оно не носит христианского характера, а также с различными общественными ассоциациями и отдельными людьми, даже если они не идентифицируют себя с христианской верой», и при этом не ставит «прямой задачи обращения всех в Православие в качестве условия сотрудничества» [Основы социальной..., 2005, I. 4]. Церковь не только предписывает своим чадам повиноваться государственной власти, независимо от убеждений и вероисповедания ее представителей, но и молиться за нее [Основы социальной..., 2005, III. 2, III. 3].

Отмечая «непредпочтительность для церкви какого-либо государственного строя» [Основы социальной..., 2005, III. 7], церковь

в то же время считает идеалом для русского православия модель византийской симфонии властей, т.е. независимости, но и тесного взаимодействия и взаимопроникновения светской и церковных властей [Филатов С., 2012, с. 16; Православная церковь и модернизация..., 2010; Лунин Р., 2012, с. 175], а ее наиболее гармоничным воплощением является российская монархия [Основы социальной..., 2005, III. 4]. Демократическое государство, рассматриваемое как результат секуляризации, признается низшей по сравнению с монархией формой правления [Коваль Т.Б., 2008, с. 132]. Тем не менее с ним можно «соработничать» «в делах, служащих благу самой церкви, личности и общества».

Среди таких дел выделяются: забота о сохранении нравственности в обществе; духовное, культурное, нравственное и патриотическое образование и воспитание; милосердие и благотворительность, развитие совместных социальных программ; попечение о воинах и сотрудниках правоохранительных учреждений, их духовно-нравственное воспитание; профилактика правонарушений, попечение о лицах, находящихся в местах лишения свободы; поддержка института семьи, материнства и детства; противодействие деятельности псевдорелигиозных структур, представляющих опасность для личности и общества [Основы социальной..., 2005, III. 8].

Очевидно, отмечает Г. Кочетков, что «если высшая церковная власть говорит о “симфонии” церкви и государства как о своей норме, то этим фактически признается нормой государственная религия, со всеми вытекающими отсюда последствиями в социально-политической и экономической сферах» [Православная церковь и модернизация..., 2010].

Говоря о видении церковью отношений с государством, митрополит Волоколамский Иларион подчеркивал, что церковь не стремится к слиянию с государством, она не вмешивается в дела государственного управления и политику, но в то же время хочет, чтобы государство учитывало интересы православных верующих. Церковь лишь до известной степени лояльна государству. Церковь может призвать своих чад к неповиновению властям в случае, когда власть явно требует от человека совершать грех [Иларион, митрополит Волоколамский..., 2010]. Тезис о допустимости гражданского неповиновения свидетельствует о нежелании церкви полностью терять самостоятельность, как это было в имперской России, и стремлении объединить плюсы прошлого и нынешнего положения. При этом гражданское неповиновение прихожанина РПЦ в реальной жизни может означать все что угодно – от недопущения ра-

ботников райотдела образования на территорию православного приюта до организации кампании против получения новых паспортов с электронным штрих-кодом, уничтожения «безнравственной» выставки или рекламных плакатов [Митрохин Н., 2004, с. 328].

Таким образом, формулируя свое отношение к государству, церковь полностью принимает его светский характер, обещает свою лояльность и определяет границы повиновения и поле сотрудничества. Тем не менее ностальгия по «более высоким формам государственного устройства», элементы неприятия принципа отделения церкви от государства, отсутствие открытого осуждения советской эпохи свидетельствуют о некоторой непоследовательности документа [Костюк К.Н., 2014, с. 364]. Эту же мысль высказывал и игумен Вениамин (Новик), отмечая, что «психологически РПЦ, несмотря на все исторические потрясения, продолжает ощущать себя государственной церковью (хотя бы потенциально), не хочет “сжигать мосты”, соединявшие ее с государством на протяжении столетий» [Вениамин (Новик), игумен, 2000].

В документе также нет определения таких исходных понятий, как гражданское общество, социально-экономическое развитие, рыночная экономика, коррупция и т.д. Между общими богословскими определениями и частными этическими нормами, между ветхозаветными представлениями и вполне современными оценками часто не оказывается связующего звена [Костюк К.Н., 2014, с. 361]. В то же время ОСК вводят в церковный лексикон такие понятия, как прибыль, интеллектуальная собственность, финансовые спекуляции, клонирование, глобализация и др. Таким образом, документ создает основу для дальнейшей разработки этих проблем богословской социальной мыслью [Браславский П., 2004, с. 7].

Специалисты отмечают, что на характер документа оказали влияние противоречия между различными группами внутри церкви. По оценке игумена Вениамина, «разные главы документа писались разными авторами и оказались концептуально не согласованными». К существенному недостатку ОСК он относил отсутствие вводной части [Вениамин (Новик), игумен, 2000]. Кроме того, во многих разделах содержатся прямо противоположные утверждения, по принципу «да», – «но». При этом «все “да”, так или иначе относящиеся к либерально-демократической позиции, были предельно лаконичными, в то время как все “но”, в которых... обосновывалась православная державность, обширными и фундаментально проработанными» [Коваль Т.Б., 2014, с. 205].

Несмотря на то что ОСК является в значительной степени рассуждением о тех идеальных условиях, в которых РПЦ могла бы наиболее полно реализовывать различные формы христианского служения, понимаемого как системообразующая идея христианского образа жизни [Корзо М.А., 2009], а также на отдельные недостатки документа, в целом православная социальная доктрина даже по западнохристианским меркам является уникальным историческим документом [Костюк К.Н., 2014, с. 361–362].

Экономические аспекты социального учения РПЦ

Христианские идеи, имеющие отношение к экономике, были высказаны еще во II–IV вв. Отцами церкви Василием Великим (IV в.), Иоанном Златоустом (347–407), Августином Блаженным (353–430) и др. Исходя из равенства всех людей перед Богом, Отцы церкви подчеркивали обязанность всех людей трудиться и получать вознаграждение за свой труд. Они утверждали, что работа, как физическая, так и умственная, очищает и освящает человека, что она не может быть позором.

Отцы церкви осуждали богатство, если оно становилось объектом поклонения, «любостяжательством», но довольно благосклонно относились к нему, если им распоряжались «великодушно и рассудительно», если богатые помогали общине и ее малоимущим членам. Отцы церкви подчеркивали, что подлинной ценностью для христианина являются не материальные, а духовные ценности.

В целом Отцы церкви признавали право частной собственности, но отдавали предпочтение ее обобществлению как добровольному акту пожертвования в пользу ближних, указывая при этом, что условием подлинной общности в собственности является духовная общность в любви и вере. В то же время всякое покушение на собственность ближнего рассматривалось ими как великий грех, поскольку оно является покушением и на его личность [Зейпель И., 1913; Коваль Т.Б., 2002; Коваль Т.Б., 2003; Коваль Т.Б., 2014; Сомин Н.В., 1998].

В России исторически сложилась самобытная национальная традиция отношения к труду, собственности, богатству, основанная на сочетании материальных и духовно-нравственных критериев, причем последние были преобладающими. Мировоззренческой и теоретической основой для ведения хозяйственной жизни в России традиционно было Священное Писание и основанное на нем «Домостроительство». «Домостроительство» в отечественной традиции

трактовалось как предписание честно трудиться, добросовестно вести домашнее и национальное хозяйство собственными силами для обеспечения достатка и изобилия, творить милостыню и помогать нуждающимся в соответствии с требованием евангельских заповедей [Дятлов С.А., 2006].

Основы домостроительства нашли отражение в своде правил – «Домострое» (середина XVI в.), автором которого считается священник Благовещенского собора в Москве Сильвестр. В «Домострое», в котором хозяйственные наставления связаны с религиозными, появился новый идеал православного христианина – домовитого и рачительного хозяина. «Экономическая рачительность, которая любит счет всего – от денег до ложек, – приобретает у Сильвестра характер христианской добродетели. Тот же, кто живет нерасчетливо, от безрассудства своего пострадает...». Он трактовал проблему собственности, исходя из того, что «имение и богатство» посылаются Богом как награда за трудовые заслуги и благочестие. Сильвестр прямо связывал обретение спасения с благочестием, щедрой милостыней и трудолюбием [Коваль Т.Б., 2014, с. 192–193].

Подобный подход к богатству, но по иным религиозным соображениям, характерен для старообрядчества. «В старообрядческой среде сформировалась особая трудовая этика, в которой ориентация на прибыль и предпринимательский успех получили религиозное оправдание – успех в делах воспринимался как знак Божьего благоволения» [Коваль Т.Б., 2014, с. 192–194].

Активные исследования взаимосвязи православия и хозяйственной жизни начались с середины XIX в. В определенной мере этому способствовало становление капитализма, а также возникновение и распространение идей социализма в России. Соединить духовное с практической социально-экономической жизнью стремились многие русские религиозные мыслители Серебряного века: Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, Л.П. Карсавин, И.А. Ильин, о. Г. Флоренский и др.

Таким образом, экономическая часть социальной доктрины РПЦ возникла не на пустом месте. Понятия о социальных идеалах и нравственной составляющей хозяйственной деятельности содержались в учении православной церкви, но до принятия ОСК не формулировались в отдельном документе [Коваль Т.Б., 2014, с. 185]. Ту же мысль высказывал и прот. Всеволод Чаплин, отмечавший, что социальному учению церкви две тысячи лет, хотя оно и не было ранее «кодифицировано» [Кырлежев А., 2003].

Проблемы, непосредственно затрагивающие социально-экономические отношения, рассматриваются в ОСК в VI (Труд и его плоды), VII (Собственность) и пункте III раздела XVI (Международные отношения). При этом многие специалисты обращают внимание на то, что эти разделы оказались одними из самых кратких в документе. Кроме того, в отличие от многих других разделов, в них немного ссылок на богословские тексты. Авторы ограничились несколькими цитатами из Ветхого и Нового Заветов, несколькими краткими цитатами из Василия Великого и Иоанна Златоуста и одной из Климента Александрийского [Коваль Т.Б., 2008, с. 133; Сомин Н.В., 2000]. Тем не менее «экономические» разделы ОСК вписываются в рамки православной традиции, а их краткость можно объяснить тем, что «религиозно осмысленное признание земного благополучия представляет значительную трудность в русском православии, в котором святость традиционно ассоциировалась с первоначальным смыслом евангельской нищеты» [Игумен Вениамин (Новик), 2000]. Кроме того, «православное богословие прямо не затрагивает вопросы хозяйственной жизни, и они традиционно рассматриваются как лежащие за пределами сферы духовности» [Зарубина Н.Н., 2001, с. 100].

Т.Б. Коваль выделяет несколько наиболее важных черт православного типа религиозного сознания, оказывающих неоднозначное влияние на хозяйственно-экономическую жизнь. Во-первых, это теоцентризм, сосредоточенность православной мысли на Боге, а не на собственно человеческих проблемах. Во-вторых, свойственный православию особый эсхатологизм, под влиянием которого православие ориентируется на сверхмирные ценности, которые лежат за пределами земной жизни. Главная цель жизни православного человека – обретение жизни вечной, т.е. спасение, связывалась не с земными трудами или попытками усовершенствовать мир, а с тем, чтобы внутренне разорвать все связи и привязанности к земному. Поэтому хозяйственно-экономическое и культурное творчество, созидательный труд, совершенствование социальных отношений расценивались как помеха спасению. В-третьих, на отношение к хозяйственной деятельности мирян большое влияние оказал монашеский идеал, на который должны ориентироваться все верующие. Кроме того, в православной традиции молитва и «внутреннее делание» ставились несоизмеримо выше, чем всякая земная деятельность [Православная церковь и модернизация..., 2010].

В ОСК труд рассматривается как органичный элемент человеческой жизни, творческое раскрытие человека, «которому в силу

изначального богоподобия дано быть сотворцом и соработником Господа». Но после грехопадения творческая составляющая труда ослабла, и он превратился в основном в способ добывания средств к существованию [Основы социальной..., 2005, VI. 1]. Ограничиваясь констатацией того, что творческая составляющая труда «ослабла», авторы ОСК не разъясняют, нужно ли верующему развивать ее или всю жизнь заниматься нелюбимым делом, принимая его как своего рода трудовую повинность. Отсутствует в ОСК и упоминание о новых технологиях, их влиянии на характер труда [Коваль Т.Б., 2008, с. 133]. Отмечая все же, что «совершенствование орудий и методов труда, его профессиональное разделение и переход от простых его форм к более сложным способствуют улучшению материальных условий жизни человека», авторы документа тут же предостерегают: «обольщение достижениями цивилизации удаляет людей от Творца, ведет к мнимому торжеству рассудка, стремящегося обустроить земную жизнь без Бога» [Основы социальной..., 2005, VI. 3]. Таким образом, авторы отождествляют понятие «цивилизации» как таковой с «безбожной цивилизацией», усиливая свою мысль ссылкой на Священное Писание, в котором первыми строителями цивилизации называются потомки нечестивца Каина [Коваль Т.Б., 2008, с. 133].

Согласно ОСК, «труд сам по себе не является безусловной ценностью», т.е. он нейтрален, и положительные или отрицательные качества приобретает в зависимости от внутренней направленности и целей. Труд становится добродетелью, когда он «являет собой соработничество Господу и способствует исполнению Его замысла о мире и человеке». «Однако труд не богоугоден, если он направлен на служение эгоистическим интересам... а также на удовлетворение греховных потребностей духа и плоти» [Основы социальной..., 2005, VI. 4]. Поэтому «Церковь благословляет всякий труд, направленный ко благу людей» и соответствующий христианским нравственным нормам, делая исключение лишь для деятельности, «специально направленной на пропаганду порока, удовлетворение пагубных страстей и привычек, таких как пьянство, наркомания, блуд и прелюбодеяние». Такая деятельность греховна, «поскольку она развращает не только трудящегося, но и общество в целом» [Основы социальной..., 2005, VI. 5].

Авторы ОСК отдают предпочтение производительному труду, о чем свидетельствует выраженная в документе озабоченность церкви практикой финансовых спекуляций, в частности финансовых «пирамид», стирающих зависимость доходов от затраченного

труда, поскольку это приводит «к утрате приоритета труда и человека над капиталом и средствами производства» [Основы социальной..., 2005, XVI. 3]. Церковь также положительно относится к творческому труду на благо общества [Основы социальной..., 2005, VII. 3]. Однако в отличие от западной церкви православие не создало стройной иерархии профессий и видов деятельности [Браславский П., 2004, с. 11], в ОСК ничего не говорится об организациях трудящихся – профсоюзах.

Согласно Священному Писанию, существует два нравственных побуждения к труду: «трудиться, чтобы питаться самому, никого не отягощая, и трудиться, чтобы подавать нуждающемуся». Однако высший идеал и пример для подражания авторы ОСК видят в хозяйственной деятельности русского монашества, т.е. труднической аскезе [Основы социальной..., 2005, VI. 4]. Из этого Т.Б. Коваль делает вывод, что труд мирян по нравственному достоинству, видимо, не равен труду иноков, поскольку монашество по традиции признается высшим образом жизни [Коваль Т.Б., 2008, с. 134].

Одной из наиболее острых социальных проблем всегда была проблема оплаты труда, и в ОСК выражена позиция церкви по этой проблеме. В документе подчеркивается, что «работающий вправе пользоваться плодами своего труда... а отказ в оплате честного труда является не только преступлением против человека, но и грехом перед Богом». Но плоды труда не должны быть исключительным достоянием самого трудящегося. Заповедь Божия повелевает трудящимся заботиться о людях, которые не могут зарабатывать себе на жизнь: больных, беженцах, сиротах и вдовах, делиться с ними плодами труда, а «духовное благополучие и самосохранение общества возможны лишь в том случае, если обеспечение жизни, здоровья и минимального благосостояния всех граждан считается безусловным приоритетом при распределении материальных средств» [Основы социальной..., 2005, VI. 6]. Из этого положения К.Н. Костюк делает весьма смелый вывод о том, что авторы документа формулируют идею социального государства и социального рынка [Костюк К.Н., 2014, с. 367], но не развивают эту тему, которая могла бы стать идейной путеводной нитью для государства с формирующейся рыночной экономикой [Костюк К.Н., 2014, с. 373–374].

Собственность определяется как «общественно признанная форма отношения людей к плодам труда и естественным ресурсам», перечисляются обычные полномочия собственника: «право

владения и пользования, право управления и получения дохода, право на отчуждение, потребление, изменение или уничтожение объектов собственности» [Основы социальной..., 2005, VII. 1].

Одним из важнейших положений ОСК является библейская и святоотеческая идея об относительности права земной собственности для людей, поскольку абсолютное право владения всеми земными благами имеет лишь Бог, от которого люди получают эти блага. Основан на Священном Писании и тезис о том, что, несмотря на относительность земной собственности, человек имеет на нее право и посягательство на имущество ближнего недопустимо [Основы социальной..., 2005, VII. 2]. Напоминая об этом, авторы ОСК пишут, что, с одной стороны, «каждый человек должен иметь достаточно средств для достойного существования», с другой – что главной жизненной целью человека является поиск Царствия Божьего и правды его, тогда как забота о хлебе насущном вторична.

При этом авторы документа подчеркивают, что церковь далека как от игнорирования материальных потребностей человека, так и от превознесения его устремления к достижению материальных благ как высшей цели и ценности бытия, поскольку «имущественное положение человека само по себе не может рассматриваться как свидетельство о том, угоден или неугоден он Богу» [Основы социальной..., 2005, VII. 1]. Однако, по мнению Т.Б. Коваль, подчеркивая тот факт, что в Священном Писании не содержится порицания богатства как такового, авторы документа «нравственно реабилитируют богатых» [Коваль Т.Б., 2008, с. 134]. Тем не менее, призывая верующих «воспринимать собственность как дар Божий, данный для использования во благо себе и ближним», церковь все же предупреждает, что «погоня за богатством пагубно отражается на духовном состоянии человека и способна привести к полной деградации личности» [Основы социальной..., 2000, VII. 2].

Церковь признает существование многообразных форм собственности (государственной, общественной, корпоративной, частной, смешанной), но не отдает предпочтения ни одной из них, поскольку при каждой из них возможны как греховные явления – хищение, стяжательство, несправедливое распределение, так и достойное, нравственно оправданное использование материальных благ.

По мнению Н.В. Сомина, такая позиция объясняется тем, что на авторов ОСК «тяжелым грузом давили реалии мира сего: “окончательная и бесповоротная” победа в России капитализма с приматом частной собственности, наличие католической социальной доктрины, в основе которой опять-таки лежит частная собст-

венность, теория М. Вебера... и, наконец, дореволюционное российское богословие, где частная собственность объявлялась не просто незыблемой основой православной империи, но даже чем-то “священным”». Однако авторы ОСК не ставят частную собственность в основание концепции. В то же время разные формы собственности не могут быть равнозначными с моральной точки зрения [Сомин Н.В., 2000]. Таким образом, в вопросе о собственности РПЦ воздерживается как от суждений против «духа капитализма», так и от суждений в его пользу [Костюк К.Н., 2014, с. 367].

Особо следует подчеркнуть признание церковью интеллектуальной собственности. Церковь отвергает «отторжение и передел собственности с попранием прав ее законных владельцев» и осуждает нарушение авторских прав на интеллектуальную собственность. Исключением может быть отторжение собственности на основе соответствующего закона, обусловленное интересами большинства людей, которое сопровождается справедливой компенсацией [Основы социальной..., 2005, VII. 3].

Хотя РПЦ отказалась от споров о «более христианских» или «менее христианских» формах собственности, под которыми разные светские силы понимают то частную, то коллективную или общественную форму [Чаплин В., 2005], авторы ОСК все же демонстрируют особое отношение к одному виду собственности – имуществу религиозных организаций (очевидно, имея в виду имущество РПЦ). Они рассматривают его как особую форму собственности, основой которой является добровольная жертва верующих людей, т.е. добровольное отчуждение богатства ради получения нематериальных благ. «Пожертвования являются особым случаем экономических и социальных отношений, а потому на них не должны автоматически распространяться законы, регулирующие финансы и экономику государства, в частности, государственное налогообложение». Поскольку жертвователи отдали часть своего имущества Богу, а не священнику, «любые посягательства на пожертвования верующих являются преступлением перед людьми и Богом». По логике авторов документа это имущество обладает особым статусом, хотя при этом оговаривается, что к такой особой форме собственности «не относится имущество, приобретенное в результате предпринимательской деятельности различных церковных организаций» [Основы социальной..., 2005, VII. 4].

Однако при сложившейся практике отделить пожертвования от средств, полученных от продажи (церковной утвари, свечей, литературы и т.д.), весьма затруднительно. Заметим, что при про-

даже платится косвенный церковный налог, являющийся формой пожертвования. В связи с этим актуально внедрение в церковных структурах системы бухгалтерского учета, способной сделать церковные финансы более прозрачными [Лукин С.В., 2014].

Включение в ОСК пункта об имуществе религиозных организаций, по-видимому, объясняется тем, что в 1990-е годы РПЦ превратилась в гигантскую корпорацию, объединяющую под единым названием десятки тысяч самостоятельных или полусамостоятельных агентов (священников, приходов, монастырей, а также коммерческих структур, действующих при храмах) с непрозрачным бюджетом [Коваль Т.Б., 2008, с. 135]. И одновременно в завуалированной форме заявила свои претензии на возвращение церкви принадлежавшего ей до революции 1917 г. имущества¹.

В XVI разделе ОСК поднимаются такие актуальные проблемы современности, как глобализация и секуляризация. В экономике глобализация связана с возникновением транснациональных корпораций, в руках которых сосредоточены значительные материальные и финансовые ресурсы. Они не подконтрольны национальным государствам и не признают никаких пределов – «будь то государственные границы, этническо-культурная идентичность или необходимость сохранения экологической и демографической устойчивости».

В то же время глобализация, облегчающая перемещение людей и товаров, распространение и получение информации благодаря новым технологиям, рассматривается прежде всего как культурная экспансия западного общества, «стремление представить в качестве единственно возможной универсальную бездуховную

¹ Вопрос о собственности РПЦ весьма неоднозначен. До революции церковь не была отделена от государства, и после указов Екатерины Великой все основное церковное имущество – храмы, школы, земли, утварь – находилось на государственном балансе, а священники – на государственном жаловании. Церковное имущество, которым управлял Священный Синод, кроме незначительного по объему имущества церковных общин, обслуживалось и поддерживалось за счет государства [Ревзин Г., 2010]. В соответствии с Декретом СНК РСФСР от 20 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» религиозные организации в России были лишены всех прав юридических лиц, а имущество существующих в России церквей и религиозных обществ объявлено народным достоянием. Таким образом, имущество православной церкви является собственностью, наследованной советским государством в составе прочего государственного имущества, кроме безукоризненно доказанных случаев приобретения собственности на пожертвования.

культуру, основанную на понимании свободы падшего человека, не ограничивающего себя ни в чем, как абсолютной ценности и меры истины».

«Признавая неизбежность и естественность процессов глобализации», авторы ОСК указывают на «внутреннюю противоречивость этих процессов и связанные с ними опасности», в первую очередь для большинства стран, которые, не имея равного с развитыми странами доступа к базовым технологическим ресурсам, выброшены на обочину мировой цивилизации. Поэтому «Церковь ставит вопрос о всестороннем контроле за транснациональными корпорациями и за процессами, происходящими в финансовом секторе экономики... через использование всех механизмов, доступных обществу и государству», не уточняя какие это механизмы и каким образом их можно использовать.

Протестуя против «духовной и культурной экспансии, чреватой тотальной унификацией», церковь выступает за такое мироустройство, «которое строилось бы на началах справедливости и равенства людей перед Богом, исключало бы подавление их воли национальными или глобальными центрами политического, экономического и информационного влияния». Напоминая о том, что «многие национальные культуры имеют христианские корни, и последователи Христовы призваны способствовать укреплению взаимосвязанности веры с культурным наследием народов, церковь решительно противостоит явлениям антикультуры и коммерциализации информационно-творческого пространства» [Основы социальной..., 2005, XVI. 3]. Однако стремление церкви отстаивать традиционные ценности и духовные устои христианских, в частности православных народов, носит декларативный характер, поскольку никаких конкретных предложений ОСК не содержат.

Развитие экономических идей ОСК после 2000 г.

Определенное развитие экономические идеи ОСК получили в принятых Архиерейским собором 2008 г. «Основах учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека», хотя экономической проблематике в документе посвящен один небольшой раздел «Социально-экономические права». В нем очень коротко излагаются положения ОСК о труде и собственности с точки зрения социально-экономических прав личности. Напоминается, что «земная жизнь невозможна без удовлетворения материальных потребностей человека...», но поскольку «правильное

пользование материальными благами небезразлично для дела спасения... необходимо придавать ясное нравственное измерение таким правам и свободам, как право собственности, право на труд, право на защиту от произвола работодателя, свобода предпринимательства, право на достойный уровень жизни». При этом реализация экономических прав не должна становиться инструментом экономического и финансового превосходства богатого человека над бедным, развитых экономик над слабыми, а также вести к формированию общества, в котором пользование материальными благами превращается в цель существования. Кроме того, экономические и социальные права призваны предотвратить расслоение общества и социальную конфронтацию, поскольку это «противно заповеди о любви к ближнему». Общество призывают заботиться «о людях, неспособных обеспечить свои материальные потребности», в частности обеспечивать доступ к образованию и жизненно необходимой медицинской помощи независимо от социально-экономического положения человека [Основы учения..., 2008, IV. 8].

В последующие годы экономические аспекты социального учения РПЦ развивались и уточнялись в документах созданного в 2009 г. Экспертного совета «Экономика и этика» при Святейшем Патриархе Московском и всея Руси¹ (ЭС). В июле 2009 г. на первом заседании ЭС были одобрены два программных документа: «Заявление в связи с мировым финансово-экономическим кризисом» и «Заявление в связи с обсуждением стратегии долгосрочного развития России до 2020 года», а в июле 2010 г. в Киеве на втором заседании ЭС – заявление, посвященное межгосударственному стратегическому партнерству в экономической сфере.

Давая оценку сложившейся в мировой экономике ситуации, ЭС отмечает, что современный экономический кризис носит не только глобальный, но и системный характер. Первопричиной кри-

¹ Согласно Положению о совете, утвержденному 10 июня 2009 г., основной задачей этой структуры является нравственное осмысление экономических процессов в России и мире в целом, поиск эффективных путей решения проблем отечественной экономики с опорой на базовые духовные ценности Православия [Экспертный совет «Экономика и этика», 2009]. Таким образом, внутри отделенной от государства религиозной структуры создан орган, предназначенный для информирования и консультирования патриарха по вопросам экономики и хозяйствования, сбор материалов, необходимых РПЦ при написании внутренних церковных документов, в т.ч. социальной концепции; для предоставления результатов государству и обществу, которым могут пригодиться интересные находки и решения, сделанные церковью [«Экономика и этика» при..., 2010].

зиса является деградация нравственной мотивации хозяйствования, утрата высшей цели экономики, «закключающейся в построении гармоничного и справедливого общества, в котором человек имеет возможность реализовать свой профессиональный и духовный потенциал независимо от социального положения и политических взглядов». Однако доминирование культуры общества потребления приводит к тому, что миллионы людей во всем мире «влачат нищенское существование, страдают от голода и социальной дискриминации, от последствий деградации окружающей среды».

В документе подвергаются сомнению необходимость дальнейшего существования «господствующей в мире экономической парадигмы»¹, слабость которой состоит «в ее отчужденности от нужд и чаяний обычного человека». Подчеркивается, что «потенциально возможная новая модель мирового развития должна быть основана на принципах справедливости, эффективности и общественной солидарности». При этом Россия «с ее многовековой культурой, основанной на ценностях соборности, самоограничения, умеренности, жертвенности и патриотизма» может и должна стать примером ее создания.

В документе также подвергаются критике глобальная финансовая система и США, которые «контролируют большую часть мирового рынка, подрывая основополагающий принцип равных конкурентных возможностей для всех участников мировой экономической системы».

Практически впервые в официальном документе РПЦ поднимается вопрос о банковском проценте и ростовщичестве. Учитывая, что «финансовая система остается производной от реального

¹ Выступая в дискуссии «Есть ли будущее у капитализма?» на Гайдаровском форуме в январе 2015 г., глава Отдела Московского патриархата по взаимоотношениям церкви и общества (ОВЦО) прот. Всеволод Чаплин, явно учитывая состав аудитории, заявил, что начало XXII в. мир встретит в условиях либо глобальной диктатуры, либо огромного разнообразия форм государственности, экономических моделей, векторов развития. «Будут конкурировать модели экономики, основанные на банковском проценте и на отказе от ростовщичества, на отрыве финансовой экономики от реальной или на восстановлении их связи, на деньгах, обеспеченных “твердыми” материальными ценностями или независимых от них». Однако, по мнению о. Всеволода, сохраняется опасность силовой, диктаторской доминанты одной из политических и экономических моделей, и силовой фактор в споре цивилизаций может оказаться главным. В этих условиях следует учитывать, что «разнообразие несравненно лучше, чем диктатура, а тем более война» [Председатель Синодального отдела..., 2015].

сектора экономики и должна служить интересам его развития», церковь указывает на моральную неприемлемость действий финансистов, препятствующих выполнению «главной задачи банков – накоплению и перераспределению денежных средств для более эффективного развития реального производства товаров и услуг». Не призывая к отказу от использования современных финансовых инструментов, «а уже тем более к возврату к натуральным формам хозяйствования», авторы документа советуют «трезво взвесить и оценить существующие в мире финансовые модели».

Выход из кризисной ситуации ЭС видит в комплексе мер, направленных на создание нравственной атмосферы в деловых взаимоотношениях, расширение инвестиций в социально ответственные предприятия с использованием инструментов налоговой политики и кредитования, развитие малого и среднего предпринимательства [Заявление... в связи с мировым финансово-экономическим кризисом, 27.07.2009].

«Заявление, касающееся стратегии развития России до 2020 г.» относится к первому варианту «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (далее – Концепция), утвержденной Правительством РФ в ноябре 2008 г. (ее обновленный вариант был принят в 2011 г.). Концепция определяла пути и способы обеспечения устойчивого повышения благосостояния российских граждан, национальной безопасности, динамичного развития экономики, укрепления позиций России в мировом сообществе в долгосрочной перспективе.

Заявление ЭС свидетельствует о безусловном одобрении Концепции церковью («без преувеличения, ключевая роль в процессе созидания достойных условий жизни нашего народа отводится стратегии развития России на период до 2020 года») и ее целей («достижение кардинального повышения эффективности и социальной ориентированности российской экономики»). В нем также определяются условия перехода к инновационному развитию (возрождение трудовой этики; уважение к труду; ответственная социальная политика; справедливая конкуренция; солидарность поколений и социальных групп; социальная справедливость), т.е. РПЦ ясно заявляет о приверженности церкви социальному и правовому государству [Заявление... в связи с обсуждением..., 27.07.2009].

Несмотря на в целом декларативный характер документа, в заявлении впервые говорится о необходимости не вообще справедливой оплаты труда, а предлагается, хотя и без какой-либо конкретики, «определить ясный и разделяемый обществом критерий

определения справедливой оплаты труда, позволяющей честному работнику жить достойно и обеспечить необходимые потребности своей семьи», а также о справедливом распределении национального дохода. Подчеркивается, что «весьма опасно абсолютно неприемлемое различие в доходах между богатыми и бедными, сложившееся в нашей стране... Важной мерой в решении этой проблемы является внедрение таких стандартов общественного поведения, при которых наиболее богатые и успешные готовы добровольно разделять преимущества своего положения в обществе с малообеспеченными и социально незащищенными людьми» [Заявление... в связи с обсуждением..., 27.07.2009].

В Заявлении ЭС (июль 2010 г.) рассматриваются проблемы межгосударственного стратегического партнерства в экономической сфере, участвовать в котором должны «братские славянские народы, вышедшие из одной купели крещения – Киевской Руси». Можно предположить, что это заявление было связано с близящимся к завершению процессом окончания первого этапа создания Евразийского экономического союза (ЕАЭС) – Таможенного союза Белоруссии, Казахстана и России, в который, как изначально предполагалось, должна была войти и Украина.

Возможно, РПЦ в рамках соработничества с государством пыталась повлиять на отношение Украины к евразийской интеграции, выступив с политической инициативой о создании «масштабной инфраструктуры» долгосрочных совместных проектов с участием России, Украины и Белоруссии, призывая «строить межгосударственные экономические отношения на принципах эффективности, справедливости и солидарности» [В Киеве..., 2010].

По оценкам некоторых обозревателей, заявление является очередной декларацией особой роли православия в образовании общности народов России, Украины и Белоруссии и призывом к политикам, предпринимателям, ученым, государственным и религиозным деятелям «хранить это единство и максимально эффективно, но вместе с тем бережно развивать новые положительные реалии» [«Экономика и этика» при..., 2010]. Наряду с этим констатируется, что существующее на этой основе «единое экономическое пространство нуждается в межнациональной интеграционной идеологии и в новой, основанной на ценностях православной цивилизации, прикладной этике бизнеса» [Заявление... от 29 июля 2010 года]. При этом ЭС с помощью понятий нравственно-экономических «механизмов» и «пространства» выделяют из международного сообщества некое славянское экономическое сообщество

[«Экономика и этика» при., 2010], идеология которого «может послужить образцом наведения духовных и экономических мостов между странами Восточной Европы» [Заявление... от 29 июля 2010 года].

Следует отметить, что в документах ЭС полностью отсутствует богословская терминология, по стилю они мало отличаются от документов любого государственного ведомства. Церковь ничего нового не сказала о причинах экономического кризиса, просто повторив выводы светских аналитиков. В то же время в них красной нитью проводятся идеи о необходимости справедливой и нравственной экономики, ведущей роли России в оздоровлении человеческой цивилизации, которая может и должна показать пример другим странам в соединении экономики и нравственности. Как отмечает С. Филатов, «независимо от личной веры в Бога патриарх Кирилл и его единомышленники проповедуют не веру в Бога, а неославянофильскую идеологию национального возрождения, по сути своей светскую» [Филатов С., 2012, с. 34]. Но как бы ни относиться к документам ЭС, они, в отличие от ОСК, вполне убедительны и понятны светскому обществу.

Социально-экономическая тематика широко обсуждалась на съездах Всемирного Русского народного собора (ВРНС)¹, хотя, строго говоря, его документы не являются официально церковными. В 2004 г. ВРНС принял «Свод нравственных принципов и правил хозяйствования» (Свод). В его подготовке участвовали В. Мау, С. Глазьев, прот. Всеволод Чаплин, представители Торгово-промышленной палаты РФ, Российского союза промышленников и предпринимателей и ряда других организаций, а также представители других традиционных для России конфессий. По словам митрополита Кирилла (Гундяева), разработчики документа изначально постарались уйти от узко конфессиональной трактовки текста, стремясь «создать такой документ, который в понятных всем выражениях объяснял бы основные принципы ведения дел в экономике и был бы в равной степени приемлем как для людей, исповедующих Православие, так и для представителей других религий, а также

¹ Всемирный Русский народный собор (ВРНС), объединяющий многочисленные общественные организации в России и за рубежом под эгидой РПЦ, был создан в мае 1993 г. по ее инициативе. Духовным вождем Собора стал митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Первым главой Собора стал Святейший патриарх Алексий II. С 1 февраля 2009 г. главой Собора является патриарх Кирилл. – *Прим. авт.*

для людей нерелигиозных [Кирилл (Гундяев), митрополит, 2005]. По мысли авторов документа, Свод будет способствовать экономическому росту и тем самым укреплению позиций России на международной арене.

Свод основан на десяти библейских заповедях и опыте их усвоения христианством и другими традиционными религиями России. Он описывает идеальную модель хозяйствования, «которая не существует сейчас, но к воплощению которой можно и должно стремиться в повседневности» и «предлагается для добровольного принятия руководителям предприятий и коммерческих структур, предпринимателям и их сообществам, работникам, профсоюзам и всем другим участникам экономических процессов, в том числе государственным органам и общественным объединениям, вовлеченным в хозяйствование» [Свод нравственных..., 2004].

Первая заповедь гласит: «Не забывая о хлебе насущном, нужно помнить о духовном смысле жизни. Не забывая о личном благе, нужно заботиться о благе ближнего, благе общества и Отчизны». Обращаясь к проблеме богатства и бедности, авторы Свода (вторая заповедь) предупреждают бизнесменов: «Богатство – не самоцель. Оно должно служить созиданию достойной жизни человека и народа», напоминая, что «использование собственности в хозяйствовании не должно носить узкоэгоистический характер, противоречить общему интересу», а «присваивая чужое имущество, пренебрегая имуществом общим, не воздавая работнику за труд, обманывая партнера, человек преступает нравственный закон, вредит обществу и себе» (восьмая заповедь). В то же время авторы Свода (вторая заповедь) напоминают бедным, что, поскольку «бедность – это испытание, как и богатство», «бедный человек обязан достойно вести себя, стремиться к эффективному труду, повышать свой профессиональный уровень, чтобы выйти из бедственного состояния» [Свод нравственных..., 2004]. При этом, отмечает Т.Б. Коваль, непонятно, каким образом, по представлению разработчиков кодекса, бедствующие люди могли бы реализовать эти требования, чтобы считаться нравственными [Коваль Т.Б., 2014, с. 212].

Рассуждая о налогах (восьмая заповедь), авторы Свода отмечают, что их неуплата – это «хищение у сирот, стариков, инвалидов, других самых незащищенных людей». «Передача в виде налогов части своего дохода на нужды общества должна превратиться из тягостной обязанности, исполняемой подневольно, а иногда и вовсе не исполняемой, в почетное дело, достойное благодарности общества». Соккрытие доходов, незаконный увод капиталов за рубеж,

нежелание платить работникам достойное жалование равнозначны обкрадыванию соотечественников [Свод нравственных..., 2004].

Останавливаясь на проблеме национализации и приватизации (десятая заповедь), авторы Свода подчеркивают необходимость уважения института собственности, поскольку ее необоснованное изъятие «подрывает экономическую стабильность, разрушает веру людей в справедливость». «Национализация частной собственности нравственно оправдана только тогда, когда ее использование заведомо противоречит интересам общества, угрожает безопасности и жизни людей. В любом случае изъятие собственности должно проводиться строго по закону и при условии справедливой компенсации».

В то же время приватизация, т.е. законная передача общественной собственности в частные руки «нравственно оправдана», если ее следствием является «реальное улучшение качества товаров и услуг, снижение цен, укрепление экономики, построение динамичного, справедливого и гармонично развивающегося общества» [Свод нравственных..., 2004]. Таким образом, через Свод РПЦ уточнила положительное отношение к частной собственности.

Разработчики Свода (девятая заповедь) признают, что конкуренция является одним из двигателей экономики, тогда как монополизм равнозначен консервации и отсталости. «Результаты добросовестной конкуренции служат интересам общества, она ставит его членов в равные условия, предоставляет им право выбора. Конкуренция является достойной и нравственно оправданной, если не разрушает деловые отношения». При этом Свод призывает предпринимателей при ведении дел не «пользоваться нравственно ущербными приемами» и не прибегать к рекламе, содержащей откровенный обман, эксплуатирующей греховные инстинкты человека, оскорбляющей его религиозные и национальные чувства. Такая реклама «должна считаться делом безнравственным и не поддерживаться предпринимательским сообществом» [Свод нравственных..., 2004].

Л. Регельсон рассматривает Свод как попытку «облагородить» принципы свободного предпринимательства, взяв на вооружение традицию «старообрядческого капитализма», чтобы сделать частное предпринимательство более приемлемым для массового русского сознания, которое его пока отторгает [Православная церковь и модернизация..., 2010].

Со своей стороны, Т.Б. Коваль указывает на изобилие в тексте общеизвестных истин (предприниматели и чиновники должны быть

честными и добропорядочными, добрыми и милосердными, что поможет подъему экономики и процветанию граждан), отмечая, что со многими установками Свода нельзя не согласиться. В то же время довольно сомнительным выглядит стремление разработчиков подкрепить свои призывы к нравственности рассуждениями о том, что нравственным быть выгодно. «Если человек созидает материальные блага исключительно для себя, своей семьи, своей социальной группы, при этом пренебрегая интересами других, — он преступает нравственный закон и многое теряет в экономическом смысле» (вторая заповедь). Или: «Чем больше доверия к твоему делу, тем быстрее растет его доходность. Честность — это инвестиции в будущее» (девятая заповедь). Подобные попытки обосновать христианские добродетели земной выгодой не совместимы ни со святоотеческим учением, ни с русской православной традицией.

Рассуждая о деньгах, авторы Свода говорят, что они должны находиться в постоянном движении, в обороте. «Дело — настоящее, захватывающее целиком, — вот богатство предпринимателя. Отсутствие культа денег раскрепощает человека, делает его внутренне свободным». Т.Б. Коваль считает это утверждение принципиально новаторским в православной мысли, поскольку оно находится «в прямом противоречии с традиционным подходом, согласно которому истинное богатство имеет духовный характер. Оно не воплощается в материальных благах, “деле” или проекте, а предприниматель, если он, конечно, христианин, должен с точки зрения традиционного православного богословия стяжать духовное богатство, а не сосредоточиваться целиком и полностью на своем бизнесе» [Коваль Т.Б., 2014, с. 210–211].

В то же время К.Н. Костюк отмечает, что в Своде получила развитие тема, не нашедшая отражения в ОСК: оправдание богатства и собственности как Божьего источника и средства служения Богу и отечеству. Конечно, православный документ не видит в богатстве Божью награду, а, скорее, концентрируется на ответственности предпринимателя: «Для нравственного человека собственность есть не только средство извлечения выгоды, но и средство служения идеалам добра и справедливости» (вторая заповедь) [Костюк К.Н., 2014, с. 376–377].

С. Глазьев рассматривает документ как подспорье для создания механизмов общественного контроля за действиями властей на основе традиционных нравственных ценностей российской культуры [Глазьев С., 2006].

В марте 2007 г. прошел XI съезд ВРНС под названием «Богатство и бедность: исторические вызовы России». В Соборном слове XI Всемирного Русского народного собора констатируется, что «внутри страны большинство населения живет бедно, в то время как богатство “избранных” постоянно увеличивается». При этом подчеркивается, что как курс на личное обогащение в ущерб интересам государства и народа, так и ставка на «замену олигархической модели бюрократической системой управления» не имеют перспективы [Соборное слово..., 2007].

Участники съезда предлагают решать проблему бедности политико-экономическими средствами с учетом русской национальной традиции. К ним относятся: введение прогрессивной шкалы налогов на сверхдоходы и предметы роскоши с направлением вырученных средств на сокращение имущественных диспропорций; отказ от резкого увеличения налога на жилье в соответствии с рыночной стоимостью недвижимости, поскольку он ударит не по богатым, а по бедным, и не даст оформиться среднему классу; вложение доходов от «продажи богатств, которыми наделил нас Творец», в страну и в людей; создание «действенных механизмов использования стабфонда для развития высокотехнологичной промышленности, обновления инфраструктуры, поддержки науки и образования, а также для помощи наиболее незащищенным слоям населения»; обновление основных фондов российских предприятий; радикальный пересмотр доли зарплаты в распределении прибыли; усиление правового и общественного контроля за тратой народных денег. «Особенно важно победить коррупцию, которая, став удавкой на шее российской экономики, особенно малого и среднего бизнеса, чудовищным образом подрывает престиж страны и осложняет инвестиционный климат» [Соборное слово..., 2007].

Конечно, со многими предложениями ВРНС можно согласиться, но нельзя не признать их декларативный и популистский характер.

Последней экономической инициативой РПЦ, с которой в ноябре 2014 г. выступил глава ОВЦО прот. Всеволод Чаплин, является проект создания системы православного банкинга. По его словам, «необходимо в мире наращивать роль механизмов, не основанных на ростовщичестве. Иначе неизбежный конец финансового пузыря, работающего по принципу “деньги делают деньги”, может привести к катастрофическим последствиям или даже к большой войне, на которую можно было бы списать все» [Чинкова Е., 2014].

Хотя эта тема уже несколько лет муссируется в церковных и околоцерковных кругах, никогда прежде она не звучала так предметно, как в конце 2014 г. А.И. Нотин объясняет это реакцией «православных банкиров» на письмо Ассоциации российских банков (АРБ) в ЦБ РФ с предложением о создании в России исламских банков и наделении их государственными льготами. В связи с этой инициативой была сформирована «Общественная рабочая группа», которая, собственно и продвигает концепцию создания «Православной финансовой системы» (ПФС), основными элементами которой станут Православный специализированный низкорисковый банк (ПСБ), православные инвестиционные фонды и компании (ПИФК) [Нотин А.И., 2015].

По словам члена «Общественной рабочей группы» и одновременно члена комитета по инвестиционной политике Торгово-промышленной палаты РФ Д. Любомудрова, предполагается, что уставный капитал ПСБ будет разделен на равные пакеты (не больше 10%), которые нельзя перепродавать, консолидировать, перекупать, что позволит избежать формирования контрольного пакета. Планируется, что ПСБ в основном будет заниматься расчетными операциями, проектным финансированием (отказ от ссудного процента в пользу долевого участия кредитной организации в капитале «заемщика» по аналогии с исламскими банками), а также оказанием крупным предприятиям и холдингам возмездных услуг по высокотехнологичному «бюджетированию проектов». При этом он не будет заниматься проектами, связанными с повышенными рисками, выдавать кредиты и участвовать в организации спекулятивной торговли на валютном и фондовом рынках, т.е. заниматься ростовщичеством. Как только соберется группа, насчитывающая не менее 11 персон (это могут быть и «физические», и «юридические лица») и минимальный капитал в 400 млн руб., система начнет функционировать.

ПИФК предназначены для финансирования реального сектора экономики, приобретения оборудования, технологий и производственных площадей. Они не будут вкладывать средства в производства, поощряющие пороки, а также не будут оказывать финансовых услуг населению.

Инициаторы полагают, что ни новые законы, ни налоговые льготы, ни какие-либо преференции новому православному финансовому проекту не нужны. Работа будет идти на общих основаниях [Яковлева Е., 2015].

Со своей стороны, глава ОВЦО, поддержавший инициативу предпринимателей, в январе 2015 г. разослал письма главам пяти регионов – Белгородской, Кемеровской и Псковской областей, Республики Марий Эл и Ставропольского края – с призывом включиться в пилотный проект создания христианского финансового института.

Однако некоторые аналитики оценивают концепцию православного банкинга не просто как сырую, а в принципе вызывающую серьезные профессиональные и духовные сомнения [Катасонов В., 2015; Нотин А.И., 2015]. Поскольку любой так называемый банкинг по определению является ростовщической деятельностью, а величина взимаемого процента при этом не имеет никакого значения, в переводе на русский язык термин «православный банкинг» может означать только одно: «православное ростовщичество». Запущенная кем-то идея «православного банкинга», по мнению В. Катасонова, способна лишь дискредитировать РПЦ [Катасонов В., 2015].

Вместо громогласных деклараций и амбициозных проектов с весьма спорной и сомнительной духовной «начинкой» необходимо создавать сообщества православных предпринимателей, а в более широком контексте – малых социумов православных людей, включающих не только предпринимателей, но и потребителей товаров и услуг. В истории «русского капитализма» конца XIX – начала XX в. средством противодействия агрессивной капиталистической среде были такие хозяйственные формы, как потребительская и производственная кооперация, а в денежной сфере – кредитные кооперативы и общества взаимного кредитования [Катасонов В., 2015; Нотин А.И., 2015].

Заключение

Хотя постсоветский период можно считать самым продуктивным с точки зрения развития социальных идей РПЦ (именно в эти годы были приняты официальные или одобренные церковью документы, в той или иной степени отражающие ее отношение к социально-экономическим проблемам современной России, а также состоянию мировой экономики и международному экономическому сотрудничеству), «социально-этические воззрения православной церкви сегодня – это не ясные доктрины, а скорее многослойные, но слабые токи, пронизывающие публичный дискурс и иногда задевающие и слегка отрезвляющие светскую общественность» [Костюк К.Н., 2014, с. 336]. Вне поля зрения церковной мысли ос-

тались, например, проблемы информационного общества, развития Интернета, трансформации социальных структур в сети [Костюк К.Н., 2014, с. 393]. Поэтому сегодня в рамках этики заповедей невозможно ответить на вопрос, как жить христианину в мире растущего богатства и устрашающей бедности, рыночных императивов, цифровых разрывов, биржевых катастроф. Для этого необходимо «глубокое понимание и проникновение в суть происходящих социальных процессов» [Костюк К.Н., 2014, с. 394]. В целом очевидно, что «социальная концепция церкви “не сработала”, не вышла из лабораторных рамок, предназначенных для церковных интеллектуалов». Общество ее не заметило, а она не сблизилась с церковью с обществом [Костюк К.Н., 2014, с. 398].

Таким образом, церковь, несмотря на заявления ее лидеров или ориентированных на нее экспертов о том, что РПЦ является ведущим институтом гражданского общества, все же не может полностью считаться таковым. С институтом гражданского общества РПЦ сближает, например, движение самоорганизации людей, по собственной инициативе возрождавших церковные общины в 1990-е годы; жесткие выступления церкви против программ полового просвещения и регулирования рождаемости. Даже не соглашаясь с ее позицией, следует признать, что в этом вопросе она выступала как самостоятельная сила. Самостоятельность церковного института ярко проявилась в борьбе с ювенальной юстицией.

Заявление Святейшего патриарха о том, что смысл всей деятельности Церкви, в том числе диалога с обществом, – это желание утвердить в жизни людей традиционные духовно-нравственные ценности, без которых немыслим гражданский мир и развитие [Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси, 2012], означает, что РПЦ представляет собой самостоятельную силу, ориентированную на свою внутреннюю мотивацию и независимую от государственных инструкций, т.е., по сути, является частью гражданского общества. В то же время такие характеристики РПЦ как закрытость, копирование госструктуры, дефицит солидарности, отсутствие самокритики и подавление человеческого волеизъявления не позволяют считать РПЦ в полной мере институтом гражданского общества [Кнорре Б., 2012].

Представляется, что в целом РПЦ больше ориентируется на взаимодействие с государством, чем с гражданским обществом. В течение последних двух десятилетий РПЦ последовательно восстанавливала свое материальное имущество. Ключевым моментом стало принятие в декабре 2010 г. закона о передаче в собствен-

ность или безвозмездное пользование религиозным организациям имущества религиозного назначения, находившегося в ведении государства. Среди прочих потенциальными объектами для передачи могут стать земельные участки, храмы, монастыри и другие здания, а также предметы религиозного культа, часть которых сегодня имеет статус исторических памятников. Противники законопроекта утверждали, что в такой ситуации нельзя говорить о восстановлении исторической справедливости. Критике со стороны представителей различных конфессий в России подвергается и тот факт, что иногда РПЦ получала право на объекты, ранее принадлежавшие другим религиозным сообществам. Свое недовольство высказывают и сотрудники культурных учреждений и общественных организаций, расположенных в зданиях, на которые претендует церковь. Они опасаются потерять свои помещения. Представители епархий в свою очередь утверждают, что не собираются никого «выгонять на улицу» и желают лишь защитить по праву принадлежащие им объекты [Яжиньска К., 2013]. Тем не менее борьба за недвижимость, сопровождаемая обвинениями и высокомерием в адрес оппонентов, а иногда разрушением музейных комплексов, вредит авторитету РПЦ.

В РПЦ выкристаллизовывается строго централизованная система владения полученной собственностью, что делает более централизованной всю систему внутрицерковного управления. Кроме того большинство храмов будет зависеть от бюджетных средств, выделяемых на реставрацию и восстановление церковных памятников культуры. В настоящее время значительная часть памятников и брошенных церквей находятся в упадке или не получают регулярного финансирования. Когда РПЦ оформит право собственности на тысячи объектов, которые можно считать памятниками культуры, может оказаться, что на реставрацию и восстановление собственнику, т.е. Московской патриархии, придется выделить из госбюджета не 2 млрд руб., как было предусмотрено на 2010 г., а 20 млрд [Филатов С., 2012, с. 47–48]. Церковь может превратиться в вечного реципиента бюджетных денег, потому что без помощи государства все это имущество невозможно содержать в порядке. Победа патриарха Кирилла в борьбе за глобальную реституцию может только увеличить имеющуюся зависимость церкви от государства. Еще одна сложная проблема – отношение к сохранению культурного наследия. Существуют разногласия между представителями РПЦ и светскими специалистами – историками, искусствоведами, краеведами – по поводу того, кто лучше сохранит

национальное наследие и кто «правильнее» оценивает церковное искусство [Филатов С., 2012, с. 50].

Выступая 30 ноября 2010 г. на встрече с сотрудниками ОВЦО, патриарх Кирилл так оценил достигнутые успехи: «В области церковно-государственных отношений в России на сегодня не осталось ни одного принципиального вопроса, который бы содержал в себе некий конфликт между Церковью и государством». По его словам, было три таких вопроса: «присутствие религиозно ориентированных дисциплин в школе, участие духовенства в Вооруженных силах и возвращение Церкви незаконно отнятого у нее имущества» [Состоялась встреча..., 2010].

Список литературы

1. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви 1994 г. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/417674.html>
2. Башкиров В., протоиерей. Основы социальной концепции Русской православной церкви: (Краткий аналитический обзор) // XII Международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры. – Минск, 24–26 мая 2006 г. – Режим доступа: <http://sobor.by/obzor.php>
3. Безбородов М.И. Общественно-политическая идеология Русской православной церкви: Определение модели церковно-государственных отношений // Государство, общество, церковь в истории России XX века: Материалы IX Международ. науч. конф. Иваново, 10–11 февраля 2011 г.: в 2 ч. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2011. – Ч. 1. – С. 75–81.
4. Браславский П. Современный социально-экономический этос Русской православной церкви: Перспективы и границы толерантности. – М., 2004. – 18 с.
5. В Киеве состоялось очередное заседание Патриаршего совета «Экономика и этика». – 29.07.2010. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1233707.html>
6. Вениамин (Новик), игумен. Об «Основах социальной концепции Русской православной церкви»: (Критические замечания на первые пять глав) // Христианские начала экономической этики. Научно-богословская конференция. – Октябрь 2000 г. – Режим доступа: http://dl.biblion.realin.ru/text/14_Disk_EPDS_-_vse_seminarskie_konspekty/Uchebnye_materialy_1/economika.doc
7. Ветров В.А., Попова В.А. Социальная деятельность православия, католицизма и протестантизма на территории современного Российского государства // Научный поиск. – Иваново, 2014. – № 1. – Режим доступа: <http://reabcentr.ru/2011-05-04-06-47-04/2769-s>

8. Вовченко Б.В. Церковь и государство в социальной концепции Русской православной церкви // Государственное управление. Электронный вестник. – 2010. – № 23. – С. 1–17. – Режим доступа: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2010/vipusk__23_._ijun_2010_g./vovchenko.pdf
9. Глазьев С. Конкурентные преимущества российской культуры хозяйствования: возможности и проблемы реализации. – М., 2006. – Режим доступа: <http://viperson.ru/wind.php?ID=315210>
10. Дятлов С.А. Духовно-нравственные традиции хозяйствования в России // Проблемы современной экономики. – СПб., 2006. – № 1/2 (17/18). – Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1007>
11. Зарубина Н.Н. Православный предприниматель в зеркале русской культуры // Общественные науки и современность. – М., 2001. – № 5. – С. 100–112.
12. Заявление Экспертного совета «Экономика и этика» при Патриархе Московском и всея Руси в связи с мировым финансово-экономическим кризисом. – 27.07.2009. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/705099.html>
13. Заявление Экспертного совета «Экономика и этика» при Патриархе Московском и всея Руси в связи с обсуждением стратегии долгосрочного развития России до 2020 года. – 27.07.2009. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/705080.html>
14. Заявление Экспертного совета «Экономика и этика» при Святейшем Патриархе Московском и всея Руси от 29 июля 2010 года. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1233732.html>
15. Зейпель И. Хозяйственно-этические взгляды отцов Церкви. – М., 1913. – Режим доступа: <http://azbyka.ru/hristianstvo/economics/khozjajstvenno-ehicheskie-vzgljady-ottsov-tserkvi.shtml>
16. Зубов А. Русская православная церковь в посттоталитарном пространстве // Континент. – М., 1995. – № 3 (85). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/continent/2011/149/z48.html>
17. Иларион (Алфеев), Епископ Венский и Австрийский. Русская православная церковь и ее социальная позиция // Право и безопасность. – М., 2005. – № 2 (15). – Режим доступа: http://dpr.ru/pravo/pravo_15_5.htm
18. Иларион, митрополит Волоколамский. Выступление... на тему «Государство и Церковь в России: 20-летний опыт взаимоотношений» на II православно-католическом форуме (19 октября 2010 г., о. Родос, Греция). – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1301914.html>
19. Катасонов В. О православных банковских утопиях. – М., 2015. – Режим доступа: <http://ekklezia.ru/blogi/4871-v-katsonov-o-pravoslavnyih-bankovskih-utopiyah.html>
20. Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский. Доклад... председателя Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата «Об основах социальной концепции Русской православной церкви». – М., 2000. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/422562.html>

21. Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Идеи солидарности и заботы об общем могут и призваны стать скрепой нашего общества: Интервью ИТАР-ТАСС Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – 03.11.2012. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/smi/print57182.htm>
22. Кнорре Б. Пять критериев отделяют РПЦ от институтов гражданского общества. – М., 2012. – Режим доступа: <http://www.opec.ru/1445015.html>
23. Коваль Т.Б. Личность и собственность: Христианство и другие религии мира // Мир России. – М., 2003. – № 6. – С. 3–45.
24. Коваль Т.Б. Православие в современной России. Экономические аспекты социального учения РПЦ // Мир России. – М., 2008. – № 1. – С. 122–146.
25. Коваль Т.Б. Религия и экономика: Труд, собственность, богатство / НИУ-ВШЭ. – М., 2014. – 349 с.
26. Коваль Т.Б. Экономика и нравственность в суждениях Отцов Церкви // Общественные науки и современность. – М., 2002. – № 6. – С. 156–167.
27. Корзо М.А. Сравнение социального учения Русской православной церкви и Ватикана: к постановке проблемы. – 2009. – Режим доступа: http://iph.ras.ru/uplfile/ethics/RC/ed/f/soc_eth/korzo.html
28. Костюк К.Н. История социально-этической мысли в Русской православной церкви. – СПб.: Алетейя, 2014. – 448 с.
29. Костюк К. Три портрета. Социально-этические воззрения в Русской православной церкви конца XX века // Континент. – М., 2002. – № 113. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/continent/2002/113/kost.html>
30. Костюк К.Н. Возникновение социальной доктрины Русской православной церкви // Общественные науки и современность. – М., 2001. – № 6. – С. 114–131.
31. Костюк К.Н. Социальная концепция Русской Православной Церкви как система нравственных вызовов обществу. – М., 2010. – Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/1246436.htm>
32. Кырлежев А. Русская православная церковь перед проблемой модернизации. – М., 2003. – Режим доступа: http://www.archipelag.ru/ru_mir/religio/titul/turn/enhancement/?version=forprint
33. Кырлежев А. Русско-немецкая дискуссия вокруг социальной концепции Русской православной церкви. – Мюльхайм, 19–20 февраля 2003. – Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/agenda/strateg/konfess/basis/y14/>
34. Лукин С.В. Частная собственность в христианской доктрине // Проблемы современной экономики. – СПб., 2014. – № 2 (50). – Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=5023>
35. Лункин Р. Образ РПЦ в светских масс-медиа: между мифом о государственной церкви и фольклорно-окульным православием // Православная церковь при новом патриархе / под ред. А. Малащенко и С. Филатова; Моск. Центр Карнеги. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 171–222.

36. Митрополит Кирилл: «Экономика не является сферой исключительно материальных интересов». – 21.03.2005 // Интерфакс. Религия. Новости. – Режим доступа: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=2068>
37. Митрохин Л. О принципе свободы совести. – М., 2002. – Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/agenda/strateg/konfess/basis/y13/?version=forprint>
38. Митрохин Н. Русская православная церковь: Современное состояние и актуальные проблемы. – М., Новое литературное обозрение, 2004. – 648 с.
39. Нотин А.И. Чем «пахнет» православный бэнкинг. – М., 2015. – Режим доступа: <http://kpp-russia.ru/2015/01/chem-paxnet-pravoslavnyj-benking/>
40. Основы социальной концепции Русской православной церкви («круглый стол») // Социологические исследования. – М., 2001. – № 8. – Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/biblio/text/477027/index.html>
41. Основы социальной концепции Русской православной церкви. – М., 2005. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html>
42. Основы учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека. – 26.06.2008. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/document/401145/>
43. Православная церковь и модернизация России: вызовы XXI века (Круглый стол). – 04.03.2010. – Режим доступа: <http://www.liberal.ru/articles/4603>
44. Председатель Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества выступил на Гайдаровском форуме. – М., 15.01.2015. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3938096.html>
45. Ревзин Г. Политическая икономия // Коммерсантъ. – 22.03.2010. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1333970>
46. Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании. – М., 2004. – Режим доступа: <http://www.vrns.ru/documents/61/1219/>
47. Соборное слово XI Всемирного Русского Народного Собора. – М., 2007. – Режим доступа: <http://www.vrns.ru/documents/64/1131/>
48. Сомин Н.В. Несколько тезисов о православной социальной доктрине // Христианские начала экономической этики / Научно-богословская конференция. Октябрь 2000 г. – Режим доступа: http://dl.biblion.realin.ru/text/14_Disk_EPDS_-_vse_seminarskie_konspekty/Uchebnye_materialy_1/economika.doc
49. Сомин Н.В. Святые отцы о праве собственности. – М., 1998. – Режим доступа: <http://azbyka.ru/dictionary/02/svjatyje-ottsy-o-prave-sobstvennosti-all.shtml>
50. Состоялась встреча Святейшего Патриарха Кирилла с сотрудниками Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества. – М., 30.11.2012. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1331331.html>
51. Филатов С. Патриарх Кирилл – два года планов, мечтаний и неудобной реальности // Православная церковь при новом патриархе / под ред. А. Малашенко, С. Филатова / Моск. Центр Карнеги. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 9–68.

52. Хёффнер Й. Христианское социальное учение. – М., 2001. – 324 с.
53. Чаплин В., протоиерей. Русская православная церковь и вопросы экономической этики // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. – М., 2005. – № 3 (24). – Режим доступа: http://dpr.ru/journal/journal_24_2.htm
54. Чинкова Е. Протоиерей Всеволод Чаплин: Православный банкинг спасет от кризиса // Комсомольская правда. – М., 22.12.2014. – Режим доступа: <http://www.kp.ru/daily/26323.5/3204367/>
55. «Экономика и этика» при дефиците этичности // Центр религиоведческих исследований. – 02.08.2010. – Режим доступа: <http://www.religiopolis.org/publications/805-ekonomika-i-etika-pri-defitsite-etichnosti.html>
56. Экспертный совет «Экономика и этика» при Святейшем Патриархе Московском и всея Руси. – М., 10.06.2009. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/705176.html>
57. Яжиньска К. Русская православная церковь как часть государства и общества // Неприкосновенный запас. – М., 2013. – № 4 (90). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/4/10ya.html>
58. Яковлева Е. Представлен проект православной финансовой системы. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/12/22/banking-site.html>
59. Calvez J.-Y. Doctrines sociales comparées, l'orthodoxe russe et la catholique romaine. – Mode of access: http://www.cairn.info/zen.php?ID_ARTICLE=RETM_248_0111
60. Hallensleben B., Sokolovski A. Les bases de la conception sociale et la perspective orthodoxe. – Mönchengladbach, 2001. – 16 p.
61. Sollogoub M. Évangile et vie économique: une réponse russe // Resurrection. – P., 2009. – N 132–133.